

УДК 811.161.1'28(575.1)
DOI 10.37386/2413-4481-2021-3-103-109

Ю.Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКИСТАНЕ: ПОЛИТИКА, ИДЕНТИЧНОСТЬ, СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье характеризуется официальный статус и сферы применения русского языка в Республике Узбекистан. Показано, что политика усиления государственного языка в современном Узбекистане связана с адаптацией позднесоветской модели национального государства, в которой язык являлся одним из важнейших маркеров нации. Доказывается, что русский язык является одним из укоренившихся языков республики. Согласно материалам полевых исследований, у коренного населения сформирован запрос на узбекско-русский билингвизм, в том числе посредством получения школьного образования на русском языке. Автор приходит к выводу, что русский язык является частью современной узбекской культуры.

Ключевые слова: Узбекистан, русскоязычное население, сферы применения русского и узбекского языков, коммуникативная потребность в русском языке, идентичность, узбекская латиница.

Yu.N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN UZBEKISTAN: POLITICS, IDENTITY, SPHERE OF USING

The article discusses the official status and sphere of Russian language usage in the Republic of Uzbekistan. The article reveals the idea that the policy of strengthening the state language in modern Uzbekistan is associated with the adaptation of the late Soviet model of the nation state, in which language was one of the most important markers of the nation. It is proved that the Russian language is one of the rooted languages of the republic. According to the materials of field research, the indigenous population has formed a demand for Uzbek-Russian bilingualism, including the acquisition of the language through school education in Russian. The author concludes that the Russian language is a part of modern Uzbek culture.

Key words: Uzbekistan, Russian-speaking population, spheres of using of Russian and Uzbek languages, communicative needs for Russian, identity, Uzbek Latin alphabet.

Вопрос о роли и дальнейшей судьбе русского языка в Центральной Азии не утрачивает своей остроты и актуальности в канун 30-летнего юбилея суверенного развития всех республик региона в 2021 году. В последние 2-3 года фокус обсуждений языковых проблем сместился в Узбекистан, в котором в результате начавшейся либерализации страны многие важнейшие вопросы дискутируются в общественном пространстве. После периода президентства И.А. Каримова, когда были разделены сферы употребления государственного и русского языков, жесткими мерами сглаживались самые острые противоречия, с 2017 г. узбекское общество начинает рефлексировать, обсуждать дальнейшие направления языковой политики. За этот период общественное мнение Узбекистана со всей остротой реагирует на различные триггеры, связанные с положением языков в стране, начи-

ная с обсуждения видеоссоры ректора университета журналистики и массовых коммуникаций Ш. Кудратходжаева и русскоязычных женщин, не владеющих узбекским языком [1], продолжая заявлением отдельных представителей узбекской интеллигенции и деятелей культуры, предлагающих повысить русский язык в статусе до уровня государственного [2]. В настоящее время государство выбирает практику строгой регламентации документооборота в делопроизводстве для укрепления позиций узбекского языка. В 2020 г. Министерство юстиции предложило штрафовать учреждения/организации за ведение делопроизводства на негосударственном языке [3], что вызвало бурные обсуждения как внутри Узбекистана, так и за его пределами. В октябре 2020 г. президент Ш. Мирзиёев подписал «Указ о мерах по совершенствованию языковой политики в

стране» [4], в котором фактически прописывается дорожная карта развития узбекского языка, связанная с корректировкой учебных планов общеобразовательных школ, сертификацией уровня владения государственным языком должностными лицами, интеграцией узбекского языка с современными информационными технологиями и коммуникациями и др. Насколько успешными станут анонсированные в Узбекистане указы, зависит от многих факторов, в том числе и от ясного представления, какие роли выполняют государственный и русский языки в общественной и социокультурной жизни республики.

Несмотря на пристальный интерес российских исследователей к вопросам функционирования и развития русского языка в бывших советских республиках Центральной Азии, до сих пор преобладают публикации «страновые», характеризующие позиции русского языка в отдельной республике [5, 6]. Обобщающие работы по проблемам русского языка в регионе, как ни странно, публикуются китайскими исследователями [7], в англоязычных зарубежных публикациях чаще всего проводятся кросс-темпоральные сравнения сфер применения русского и государственного языков в республиках различных регионов бывшего СССР [8]. В данной статье, подготовленной на основе материалов, полученных в ходе полевых исследований автора в 2012–2015, 2019 гг., характеризуются сферы применения русского языка, а также затрагивается вопрос о позициях государственного языка в социокультурной жизни узбекского общества.

Корни сложившейся языковой ситуации в Центральной Азии связывают с тем, что сформировавшиеся в советское время государственные институты трансформировались в современные атрибуты государства Республики Узбекистан. По мнению С.Н. Абашина, отсылка на нацию, сконструированную в советское время, была успешна вплетена в процессы нациестроительства после распада СССР [9, с. 196–197]. Анализ новой республиканской идентичности Узбекистана показал, что она повторяет «позднесоветскую модель национального государства» [10, с. 151]. В данном понимании государственный язык являлся одним из важнейших маркеров нации и атрибутом национальной идентичности. В суверенном Узбекистане была воспроизведена та же практика усиления национального содержания языка, при которой акцент делался на укрепление признанного в 1989 г. государственным узбекского языка. Этот факт и предопределил рамку развития государственного языка в постсоветском Узбекистане,

которая сводится к укреплению позиций узбекского [11], его всеобщего использования и распространения, так как в советской модели язык являлся неотъемлемым признаком нации.

Государственная политика в отношении русского языка в Узбекистане отличается от ситуации в других республиках региона. Это связано с тем, что ни в Конституции, ни в редакциях закона «О государственном языке» нет никаких упоминаний о правовом статусе русского языка. Юридически русский язык является одним из иностранных языков в Узбекистане. Изучение языкового вопроса в Узбекистане через призму государственной политики приводит исследователей к выводу о «масштабной дерусификации», русский язык рассматривается как «советский пережиток» и вызывает прямые ассоциации с 70-летним советским правлением [12, с. 22–23]. Перевод графики государственного языка с кириллицы на латиницу в 1993 г. (хотя данная реформа затянулась) рассматривается как попытка отказаться от советского наследия [7, с. 263]. Эти тенденции представляют транслируемую часть государственной политики, но не объясняют всего разнообразия проявлений языков в современном Узбекистане. В изучении вопросов, связанных с языковой политикой и позициями русского языка в Узбекистане, необходимо четко разделять государственную политику, проводимую в отношении государственного и русского языков, которая инициируется «сверху» и должна соответствовать общей идее национализации общественно-политической и иных сфер Республики Узбекистан.

Автор статьи, опираясь на многолетние полевые материалы, доказывает, что русский язык является одним из укоренившихся языков республики, овладение которым у коренного населения Узбекистана переросло в традицию русско-титального билингвизма, сформировавшуюся в советское время. Русский язык в республиках региона стал родным не только для русских, украинцев и других европеизированных городских групп, но и для части титульного населения (самая высокая доля распространения русского языка у казахов и киргизов в Казахстане и Кыргызстане соответственно), а также депортированных этнических групп и др. Если посмотреть на данные советских переписей 1970 и 1989 годов по Узбекской ССР, то в 1970 г. из 7 724 715 проживающих в республике узбеков русский язык называли родным 26 276 человек (0,3 %) [13, с. 202]. Согласно данным переписи населения 1989 г., из 14 142 475 проживающих в республике узбеков русский язык считали

родным 63 568 человек (0,4 %) [14, с. 92]. Необходимо отметить, что это были те узбеки, которые думали, говорили и писали на русском языке лучше, чем на узбекском, в отдельных случаях в эту группу узбеков входили те, кто вообще не владел узбекским языком.

В 2019 г. в Ташкенте был проинтервьюирован респондент, 52 г., узбек по происхождению, но избегал причисления себя к этой группе, вырос в семье обрусевших узбеков: «Ю. Ц.: К какой группе по этнической принадлежности Вы себя относите? Б.: ...Я 1967 г. рождения, то есть я еще вырос и сформировался в то время, советское... родители разговаривали все время дома на русском... Поэтому я думаю, что если отталкиваться от этого факта, то я на 90 % принадлежу русской культуре, но если отталкиваться от того, что были и есть какие-то традиции местные, которые не могли пройти мимо и есть и сейчас, они все равно затрагивают нас, то принадлежность к местному, коренному этносу тоже ощущается. Поэтому есть какая-то раздвоенность здесь» [15]. Респондент Б. подчеркивает, что его самоидентификация уживается в двух контекстах, где ведущую роль играет «европейская» идентичность, основанная на знании русского языка (родной язык для этого респондента), на «пристрастии» к русской литературе и т. д., с другой стороны, его идентичность вписана в контекст национальной культуры, в которой он также отчасти принадлежит. Сформировавшаяся у части городского населения разноуровневая идентичность, позволяющая им проживать в разных социокультурных контекстах, является малоизученным феноменом, который требует длительного антропологического исследования и осмысления.

Следуя логике данной мысли, необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что русский язык, начиная с имперского времени и массово в советский период, стал связующим мостиком, через который коренное население получило представление об «европейской» культуре и ценностях. Эта ситуация не изменилась к настоящему времени – до сих пор приобщение к русскому языку влияло и влияет на идентификацию его носителя.

В Узбекистане существуют 2 культурно-лингвистические идентичности: русскоязычная / европеизированная и национальная. Русскоязычный / носитель русского языка или в повседневной жизни более распространено название / самоназвание «европеец» – человек вне зависимости от этнической принадлежности разделяющий европейские ценности через русский язык. Культу-

ролог и лингвист Алексей Улько, проживающий в Узбекистане, считает, что названия этой группы – «европейцы» и «русскоязычные» – неудачны и искажают признаки групп [16]. По его мнению, в настоящее время основными носителями русского языка в Узбекистане являются не русские, которых, по данным официальной статистики, на 1 января 2018 г. в Узбекистане насчитывалось 739 684 человек (2 % от всего населения) (материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан №01/4-01-19-477 от 3 мая 2019 г.), а этнические узбеки [16]. Но при этом уровень владения русским языком у узбеков и таджиков различается по степени сформированных навыков: понимание на слух, умение поддержать разговорную речь, умение читать, писать и т. д.

Повседневная жизнь в Узбекистане диктует совершенно другие правила использования языков, и зачастую отношение к русскому языку в повседневных практиках не совпадает с декларируемым государством курсом. В последние годы появляются экспертные статьи по Узбекистану, в которых подчеркивается мысль о том, что чиновники высшего ранга плохо говорят на узбекском языке, среднее и нижнее звенья чиновников владеют узбекским языком, но использует много диалектизмов и европеизмов [17]. Из-за этих особенностей узбекского языка отказаться от русского в полной мере не представляется возможным. Узбекистан входит в число тех постсоветских стран, в которых судьба русскоязычия определяется объективными социально-экономическими и инерционными процессами. Нужно также отметить, что узбекское общество чрезвычайно традиционно, поэтому дерусификация здесь происходила крайне медленно, от узбекской кириллицы не отказались до сих пор, несмотря на то, что реформа латинизации алфавита началась более 25 лет назад, она так и осталась незавершенной.

В делопроизводстве в Узбекистане в 2000–2010-е годы были задействованы в основном узбекский язык на кириллице, в меньшей степени – на латинице, но при этом узбекская латиница преобладала в сфере официальных символов – вывески, надписи в метро, названия городов, улиц и др. В этой ситуации русский язык до сих пор выступает в роли языка-посредника.

Школьное образование на узбекской латинице было введено в 1996 г., первое поколение выпускников классов с обучением на узбекской латинице в 2000-е годы столкнулось с практикой поголовного использования узбекской кириллицы в делопроизводстве и необходимостью осваивать ее

либо русский язык как язык-посредник. Незавершенность реформы перевода графики алфавита на латиницу привела к новому уровню дискуссий в современном Узбекистане. В 2017 г. было опубликовано открытое письмо известного узбекского литературоведа Шухрата Ризаева, адресованное президенту Ш.М. Мирзиёеву, с предложением вернуться к кириллице как к основной графике [18]. Упоминаемые выше инициативы президента Ш. Мирзиёева в 2020 г. обозначили мейнстримное движение в сторону укрепления узбекской латиницы, завершение реформы графики узбекского алфавита, а также повсеместный перевод делопроизводства на государственный язык.

При этом в Узбекистане остается высоким запрос у коренного населения (узбеки, таджики) на образование на русском языке – в школах, колледжах, университетах, в которых сохраняются «европейские» потоки (русский язык обучения) и «национальные» (узбекский язык). На сайте Министерства народного образования Республики Узбекистан представлена официальная информация о количестве школ и учащихся по языку обучения в общеобразовательных школах системы государственного образования в 2020/21 учебном году (причем информация опубликована на узбекской кириллице). Школ с узбекским языком обучения в республике 8 083, в то время как школ с русским языком обучения 81, примерно в 100 раз меньше, но при этом в школах с узбекским языком обучения получают образование 5 321 918 человек, с русским – 634 985 учащихся, в 8 раз меньше [19]. Учитывая тот факт, что русских в республике насчитывается 739 684 человек, хотя данные о половозрастном составе русских автору недоступны, к этой группе даже в городах больше относятся представители средней и старшей возрастной групп. Тем самым большая часть учащихся русских классов и школ – это, скорее всего, узбеки и другие коренные этнические группы региона.

Укорененность русского языка в образовании связана не только с распространенными стереотипами о том, что образование на русском языке качественнее, чем в классах с узбекским языком обучения [16]. Для узбека знание русского языка является в какой-то степени усилением его статусных позиций в обществе и в выбираемой сфере занятости. В 2014 г. было записано интервью с Р., 1973 г. р, узбек, выпускник одной из русских школ в г. Ангрен, инспектор ДПС по Ташкентской области. Коллектив, в котором трудился Р., был узбекоязычным, и значимость его языковых навыков вырастала, когда его коллеги – выпускники

узбекских школ не могли ясно донести свои требования русскоязычным водителям в моменты проверок документов. Кроме этого, знание русского языка он использовал как инструмент отстаивания своих позиций в коллективе, когда у него возникали конфликтные ситуации с начальством: *«Я один закончил русскую школу, они все [коллеги по отделению] – из узбекских школ, а я – из русской. Когда начальник меня вызывал к себе и требовал предоставить рапорт по разным спорным ситуациям, я писал рапорт на русском языке. Он нервничал, так как не понимал ни слова, но не имел право его не принять»* [20]. В представлении этого респондента обучение в русской школе, диплом о высшем образовании в филиале российского вуза в Узбекистане являлся его дополнительным ресурсом в карьерном становлении и борьбе за личные позиции в коллективе. На протяжении всего разговора Р. неоднократно подчеркивал его отличие (выпускник русской школы) от коллег и представителей своего окружения.

Полевые исследования в Узбекистане в 2012–2015, 2019 гг. в разных городах республики (Ангрен, Алмалык, Фергана, Ташкент) подтвердили данное предположение – русский язык в республике сохраняется благодаря запросам со стороны коренного населения на существование билингвизма, когда речь идет о таджиках – чаще всего сохранения трехязычия. Но при относительной востребованности русского языка возникает другой вопрос – качество и уровень сохраняемого русского языка, который усваивается коренным населением региона на базовом или среднем уровне для нужд торговли или работы в сфере услуг, а также для расширения возможностей при трудовой миграции в Россию или в Казахстан. Другими словами, узбеки и таджики – выпускники русских классов не обязательно усвоят русский язык как язык родной, что чаще всего происходило в советское время. Родными для них остаются по-прежнему узбекский / таджикский и другие языки, базовые знания русского языка или овладение им на среднем уровне – инструмент вертикальной мобильности в различных сферах, прежде всего в сфере услуг.

В этой связи очень перспективным для изучения является вопрос о выборе стратегий обучения русскому языку коренным населением республики. Один из респондентов отметил, что отдал дочь для обучения в начальной школе в русский класс, в среднем звене школы перевел в класс с узбекским языком обучения, знание которого на латинице является необходимым в республике [20]. В жизненных стратегиях узбекских семей знание

русского языка на среднем уровне является важным приобретением, а школьное образование на русском языке востребовано.

Вопрос использования русского языка в Узбекистане – это не только вопрос повседневных коммуникаций, русский язык тесно связан с местной культурой. Уже неоднократно упоминалось, что русский язык стал самовоспроизводимым, «местным» продуктом в Узбекистане [5, с. 195]. Он органично вплетен в культуру, искусство советского и постсоветского Узбекистана, которое зачастую является визитной карточкой страны за ее пределами. Например, постановки первого на территории Советского Союза профессионального негосударственного театра «Ильхом» (1976 г.), бессменным художественным руководителем которого со времени зарождения театра и до момента своей гибели в 2007 г. был Марк Яковлевич Вайль в Ташкенте. Актеры театра «Ильхом» гастролировали в странах Западной Европы, Израиле, США, Японии, во многих городах России. В спектаклях театра сочетаются современные модернистские подходы и огромный пласт азиатской культуры, и все это транслируется через русский язык.

Целое литературное направление сложилось на русском языке в постсоветском Узбекистане – Ферганская школа поэзии, неформальным лидером которой является Шамшад Абдуллаев – русскоязычный узбекский поэт, дважды лауреат конкурса «Русская премия за поэзию» в 2006, 2013 гг., лауреат стипендии фонда Иосифа Бродского (2015). Неформальная группа поэтов (в Ферганскую школу поэзии также входили Хамдам Закиров, Ольга Гребенникова и др.) в первой половине 1990-х годов создала новую космополитическую литературу, которая публиковалась на страницах журнала «Звезда Востока» (1991–1996 гг.) [21, с. 449–450], опять же сочетая принципы западноевропейской переводной модернистской литературы и школы поэзии на узбекском языке. Соответственно, русский язык – это часть культурного наследия всего населения Узбекистана, которое навсегда вписано в их историю, традиции, искусство. Отталкиваясь от мысли о том, что русский язык в Узбекистане – это часть современной узбекской культуры, становится понятным его высокая степень распространения и использования в городах, во многих населенных пунктах, где доля этнических русских чрезвычайно мала.

Кроме этого, русский язык в Узбекистане тесно связан с глобализацией, он является проводником европейской культуры, без которой, к примеру, сложно адаптироваться к жизни в крупнейшем мегаполисе и столице республики Ташкенте. Ав-

тор данной статьи около 10 лет наблюдает за творчеством узбекской певицы из Хорезма Хулькар Абдуллаевой, чьей отличительной особенностью творческой деятельности является исполнение песен на огузском диалекте узбекского языка, сопровождающиеся хорезмскими танцами. Переезд Х. Абдуллаевой в Ташкент трансформировал ее сценический образ, в котором по-прежнему присутствует фолк-музыка Хорезма, но при этом появились современные европеизированные песни и клипы на узбекском языке. Кроме того, чтобы быть востребованной на рынке узбекской эстрады в Ташкенте певица начала записывать репертуар на русском языке. Стоит согласиться с тем, что узбекский язык сохраняется в кино, театре и музыке [17], но при этом эстрадная музыка на узбекском языке переплетается с современными веяниями и европейской культурой. Элементы этой современной культуры проникают в Узбекистан не только через Россию, но и через Турцию. Однако этот вопрос также представляет собой отдельную тему для антропологического исследования.

Другой важный аспект, связанный с русским культурным и коммуникативным пространством, касается самого феномена трудовой миграции или «эффекта» трудовой миграции. Трудовые мигранты из Узбекистана, уезжая на заработки в Россию, в той или иной степени осваивают русский язык, приобщаются к европейским ценностям. Необходимо признать, что Россия, не предпринимая каких-либо особых усилий, продолжает опосредованно влиять на население бывших советских республик. В одном из экспертных интервью, записанных в 2019 г., респондентом была озвучена мысль, что на определенную категорию русскоязычного населения негативно влияет российская пропаганда, транслируемая через средства массовой информации [22]. Для трудовых мигрантов освоить российские стандарты жизни означает приобщиться к европейской культуре. Российская массовая культура, особенно популярная культура / музыка, несмотря на свою тенденциозность и противоречивость, широко востребована городской молодежью вне зависимости от этнической принадлежности. Респондент – учащаяся колледжа в 2015 г. отмечала, что некоторые учащиеся «национальных» групп (с узбекским языком обучения) предпочитают слушать не национальную / традиционную узбекскую эстраду, а российскую популярную или европейскую музыку [23].

Соответственно, русскоязычная среда и культурное пространство, несмотря на заметное демографическое сокращение русских, продолжает функционировать, благодаря инерции советского

прошлого и ее глубокой укорененности в культуре, искусстве народов Узбекистана. Схожие мысли высказывались в публикации Н.П. Космарской, пришедшей к выводу о том, что русское культурное и коммуникативное пространство в постсоветском Кыргызстане может функционировать без русских и без особых усилий со стороны России [24, p. 217].

Суммируя вышеобозначенные тенденции, нужно отметить тот факт, что потенциал русского языка в Узбекистане значителен, он объединяет культурно близкие к нему группы населения вне зависимости от этнической принадлежности. В интернет-пространстве русский язык в Узбекистане является универсальным средством общения. «Мягкая» политика в отношении русского языка в последние годы связана с трудовой миграцией и попыткой правительства Республики Узбекистан институализировать данный процесс и сделать его регулируемым со стороны Узбекистана и со стороны России. Тем не менее на позиции русского языка значительное влияние оказывает ситуация, в которой функционирует узбекский язык. Как неоднократно отмечали эксперты из Узбекистана, за постсоветский период узбекский язык не смог стать языком унифицированным и стандартизированным [17], в узбекском языке по-прежнему высоко присутствие диалектизмов [16], государственный язык плохо отражает современность и если модернизируется, то происходит это искусственно [11]. Благодаря этим факторам русский язык смог укрепить свои позиции, а в каких-то случаях заменить узбекский в сфере государственного управления, бизнесе, науке, производстве, хотя и русскому языку в Узбекистане присуще постепенное устаревание. Соответственно, русский язык в Узбекистане не нуждается в возвращении официального статуса, тем более не нуждается в какой-либо дипломатической поддержке со стороны России. В настоящее время Узбекистану в деле улучшения обучения русскому языку необходима учебно-методическая поддержка со стороны России, содействие в этом вопросе со стороны России началось в последние месяцы

2020 г. [25]. Русский язык как один из укоренившихся языков Узбекистана, несомненно, будет востребован в будущем. Британский историк А. Моррисон, долгое время занимавший позицию профессора в Назарбаев университете в Астане (ныне – Нур-Султан), в разгар общественных дебатов о переводе казахского языка на латиницу в апреле 2017 г. написал, что в Индии после обретения независимости в 1947 г. имели место такие же эмоциональные дискуссии, как и в Казахстане в 2017 г. Благодаря сохранению английского языка в образовании и в других сферах Индия смогла стать ключевой конкурентоспособной державой в регионе и в мире [26]. Автор статьи ранее отмечала, что русский язык в Узбекистане до сих пор используется в производственной сфере, особенно когда заключаются проекты с иностранными партнерами [27, с. 56].

Суммируя вышесказанное, необходимо отметить, что русский язык в Узбекистане, не имея официального статуса, является укоренившимся языком и прочно занимает нишу во многих сферах. В обществе сложился стойкий запрос на знание русского языка среди коренного населения республики. Государство, завершая и углубляя реформу графики узбекского алфавита, ориентируется на молодое поколение узбекистанцев, уже овладевшее латиницей, которое через несколько десятилетий сменит поколение соотечественников среднего и старшего возрастов. Тогда и можно будет в полной мере оценить итоги языковой реформы в Узбекистане. В связи с широким распространением компьютерных программ, которые позволяют переводить тексты с одной графики языка на другую, с одного языка на другой, установить коммуникацию сейчас не представляет особой сложности. Латинизация узбекского языка, его модернизация и доступность обучения на узбекском языке для всех категорий населения Узбекистана, формирование общегосударственной идентичности на основе принятия двух социокультурных идентичностей (узбекоязычное и русскоязычное население) позволят в дальнейшем интегрировать различные группы населения Узбекистана в единую гражданскую нацию.

Библиографический список

1. Ректора Университета журналистики Узбекистана обвинили в разжигании межнациональной розни. URL: <https://centralasia.media/news:1470325> (дата обращения: 07.07.2021).
2. Русский язык нам не чужой. URL: <https://vesti.uz/russkij-yazyk-nam-ne-chuzhoj/> (дата обращения: 07.07.2021).
3. Министерство юстиции предложило штрафовать должностных лиц, не использующих государственный язык в делопроизводстве. URL: <https://nuz.uz/obschestvo/48969-ministerstvo-yusticii-predlozhilo-shtrafovati-dolzhnostnyh-lic-ne-ispolzuyuschih-gosudarstvennyy-yazyk-v-deloproizvodstve.html> (дата обращения: 07.07.2021).

4. Мирзиёев подписал указ о мерах по совершенствованию языковой политики в стране. URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/10/20/mirziyoyev-podpisal-ukaz-o-merax-po-sovershenstvovaniyu-yazykovoy-politiki-v-strane> (дата обращения: 07.07.2021).
5. Цыряпкина Ю. Н. Русскоязычное культурное пространство в Узбекистане и «фактор России» // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33. С. 193–198.
6. Космарская Н. П., Савин И. С. Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы» // Восток: афро-азиатские общества и современность. 2020. Вып. 5. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s086919080011739-9-1/?reader=Y> (дата обращения: 07.07.2021).
7. Юй Х. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 251–270.
8. Chekin A., Kachuyevski A. The Russian-Speaking Population in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71, № 1. P. 1–23.
9. Абашин С. Н. Нации и национализм в Центральной Азии 20 лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 193–210.
10. Даудов А. Х., Алимджанов Б. А., Андреев А. А. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время в эпоху независимости // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 5. С. 146–151.
11. Асанов А. Хрупкий баланс языковых споров в Узбекистане. URL: https://cabar.asia/ru/hrupkij-balans-yazykovyh-sporov-v-uzbekistane?fbclid=IwAR38V3a-Ub5hF4L9wyEXx0S_pNDf_c1Pma8XNLyrJwUR9hZ8pFoS_5oEEYS (дата обращения: 07.07.2021).
12. Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие / пер. с англ. О. Богдановой. М.: Центр книги «Рудомино», 2015. 320 с.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. 648 с.
14. Национальный состав населения СССР: по данным переписи населения 1989 г. М.: Финансы и Статистика, 1991. 160 с.
15. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, г. Ташкент, 25 августа 2019 г. (информант: Б., узбек по происхождению, но избегает причисления себя к этой группе, 52 г., ассистент в международной школе).
16. Улько А. «Узбекский – язык для узбеков»? Почему в стране до сих пор есть проблемы с государственным языком. URL: <https://hook.report/2019/08/problema-uzb/> (дата обращения: 07.07.2021).
17. Алимджанов Б. Узбекистан: почему узбекский не стал языком политики и науки? URL: cabar.asia/ru/uzbekistan-pochemu-uzbekskij-ne-stal-yazykom-politiki-i-nauki (дата обращения: 07.07.2021).
18. Узбекистан и переход на латиницу раздора. URL: <https://stanradar.com/news/full/26612-uzbekistan-i-perehod-na-latinitsu-razdora-.html?page=2> (дата обращения: 07.07.2021).
19. 2020–2021 укув йилда халк таълими тизимидаги умумий урта таълим мактабларида таълим олиш тили буйича мактаблар ва укувчилар сони = Количество школ и учащихся по языку обучения в общеобразовательных школах системы государственного образования в 2020–2021 учебном году. URL: <https://www.uzedu.uz/ru/statistika> (дата обращения: 07.07.2021).
20. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, г. Ангрен, 23 августа 2014 г. (информант: Р., узбек, 42 г., инспектор ДПС).
21. Корчагин К. «Когда заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 2 (144). С. 448–470.
22. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, г. Ташкент, 13 августа 2019 г. (информант: А., украинец, лингвист).
23. Полевые материалы автора. Республика Узбекистан, г. Ангрен, 18 сентября 2015 г. (информант: А., 16 лет, учащаяся политехнического колледжа г. Ангрен, русская).
24. Kosmarskaya N. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects // *Russian Journal of Communication*. 2015. № 7. P. 217–222.
25. В Узбекистане преподаватели-русисты из России тестируют местных учителей. URL: <https://ria.ru/20201006/russskiy-yazuk--1578779966.html> (дата обращения: 07.07.2021).
26. Morrison A. Russian Beyond Russia. URL: <http://www.eurasianet.org/node/83296> (дата обращения: 07.07.2021).
27. Цыряпкина Ю. Н. Влияние экономического фактора на современные процессы в Узбекистане // *Востоковедные исследования на Алтае*. 2018. № 12. С. 53–59.